

Келси Лаферсон

Все началось незадолго до взрыва. Возможно, 12 января 1900 года, в день празднования моего тридцатого дня рождения. Ничто не предвещало беды, разве что мои внезапные слезы. Потом я понял: это были слезы предчувствия. Так же плакала Мария Магдалина, чувствуя, через что предстоит пройти ее возлюбленному.

Праздновал я в кругу близких друзей: приглашены были Валентин Грант-Сирин, Элиот Ричмонд, Освальд Ко, Винсента Тиме и ее друг Николя де Голль (для нас просто Найджел). А также ее подруга Софи, которая, впрочем, накануне вежливо отклонила приглашение, сославшись на семейные обстоятельства. Элиот, друг моего детства, отдал под наш тихий праздник свою квартиру в шестнадцатом округе — одном из самых престижных районов Парижа. Я бывал здесь так часто, что ощущал себя как дома. Как истинный джентльмен, Элиот предварительно поинтересовался, доволен ли я этим местом или предпочел бы какой-нибудь из его

особняков. «Что же не предлагаешь ваш фамильный замок на Луаре?» — был мой насмешливый ответ. «Это на крайний случай», — усмехнулся Элиот.

Ричмонды, титулованное британское семейство, ведущее свой род чуть ли не от Вильгельма Завоевателя, владели недвижимостью по всей стране. Шато, отели, апартаменты на l'étage noble* в седьмом и шестнадцатом округах. Элиоту принадлежали три квартиры, две — его младшему брату Роберту и одна — сестре Элизабет. И каждая занимала пару этажей, включая, кроме роскошных апартаментов хозяев, отдельные комнатки для поваров, слуг и личной охраны.

Квартира близ Трокадеро, где мы собирались праздновать, походила на оранжерею: хрустальные люстры, мебель молочного цвета и очень много живых цветов. Мраморная лестница вела на второй этаж, в холл, где стены покрывали грандиозные гобелены, а колонны украшала буква R в овальном вензеле. В эркере благоухала высокая пушистая ель, на ее вершине сияла золотая звезда, а в изумрудной хвое тут и там поблескивали золотые якоря с крыльями — старинный символ братства Капитанов.

С виду солидный и холодный, Элиот сохранял в душе детскую любовь к зимней феерии, а потому рождественский декор украшал его жилище еще долго после Рождества. Елка в высоких окнах его особняка сияла гирляндами даже тогда, когда в волосах уже гулял весенний ветер.

---

* Бельэтаж (*фр.*). Второй, обычно лучший, парадный этаж здания (особняка, дворца и т. п.). *Здесь и далее примечания автора.*

— Напомни мне в марте, перед твоим показом, убрать елку, — улыбнулся Элиот, когда мы поднялись на второй этаж.

— В марте? Ленни, — так с детства называл его я, — тогда уж оставь ее до будущей зимы...

Он попросил меня подождать: ему требовалась пара минут, чтобы подготовить свой феноменально дорогой подарок.

— Надеюсь, это не яхта, — усмехнулся я, а про себя забеспокоился: что, если и впрямь она?

На мою шутку Ленни отреагировал холодно. Элегантно убрал несколько прядей за ухо и сказал:

— То есть ты отказываешься?

Дрогнувшей бровью он, конечно, выдал себя. В серьезном разговоре — я знал — у него не дрогнул бы ни единый мускул. Он поджал губы, осознав свой промах, и рассмеялся. Через секунду прорвало и меня. После Элиот еще раз попытался принять все тот же отстраненно-холодный вид, и мы снова покатались со смеху.

Смех еще звенел в воздухе, когда он удалился вниз. Я опустился в кресло у великолепного белоснежного рояля и мечтательно поглаживал стяжки на велюровых подлокотниках, пытаюсь угадать, что же меня ждет. С первого этажа доносились лишь приглушенные голоса прислуги да пение граммофона.

Музыка становилась громче с каждым моим шагом по лестнице. Зная, что нарушаю просьбу Элиота, я также знал, что природа не одарила меня добродетелью терпения. Все же я не хотел застать друга совсем врасплох, поэтому на нижней ступени окликнул:

— Ну ты где, Ленни?

В этот самый момент массивная входная дверь впустила Освальда, Найджела и Винсенту — в пальто и в муфтах, припорошенных снегом. Элиот уставился на меня с полураскрытым от возмущения ртом.

Все они тем не менее не растерялись и хором крикнули: «С днем рождения!» И бах! бах! — грохнули хлопушки. Под дождем из конфетти друзья набросились на меня с объятиями и разругали мне щеки поцелуями.

— Келси, я ведь велел тебе оставаться наверху!

Элиот смахнул с моих волос остатки конфетти, хотя этот жест больше походил на шуточный подзатыльник.

— Да ты куда-то пропал! — отшатнулся я и сам провел рукой по волосам, зачесывая их назад.

— Я просто спрашивал, будет ли Софи.

— Нет, увы, — грустно улыбнулась Винсента, — ее не будет. Но она передала подарок!

Пожилой камердинер Жак с почтением принял из рук Винсенты две розовые коробочки, украшенные белыми атласными бантами, — от нее самой и от Софи. Лакеи Луи и Лео складывали прочие подарки на золотистую багажную платформу. Камеристка Мари взяла у Винсенты муфту, Лина сняла с нее пальто и шаль, Луиз поправила бант и розы на пышном низком русом пучке. Еще одна девушка, Леа, помогла Освальду отцепить цветочную брошь с лацкана пальто и протереть запотевшие от резкого тепла очки. За Найджелом поухаживать никому не удалось: он сунул шарф в рукав и сам повесил куртку на рогающую вешалку.

— Я сегодня снова шел мимо катка, — сказал он, поправляя взлохмаченные кудри у зеркала. — Подумал, что было бы здорово покататься вместе.

— Чур, я в ботинках, потому что на коньках точно упаду, — усмехнулся Освальд.

— Ос, ты и в ботинках упадешь.

— И то верно.

— Я не шучу. У всех ведь есть коньки?

— Не знаю, как остальные, но лично я сегодня пытаюсь их не отбросить, — раздалось из-за наших спин.

Все замолкли и обернулись. В дверях стоял Валентин, чуть румяный от холода.

— Что? Если бы вам пришлось двое суток подряд разбирать объявления о знакомствах за недобросовестного коллегу, который свалил эту работу на вас, еще не так бы запели!

Слуги бережно сняли с него длинное серое пальто и забрали из рук розовый сверток, а перчатки и шарф он стянул сам. Потом он улыбнулся и заключил меня в крепкие объятия.

— Привет, Келси!

— Воображаю: Валентин Грант, блестящее перо, копается в записульках вроде «Надоели пресные сумерки жизни, хочется пережить хоть один миг счастья с будущей супругой!» — Найджел соорудил преувеличенно трагичную мину.

Валентин усмехнулся:

— После трехсотпятого «не вижу радости и счастья» и «одинокая жизнь невыносима» мне начало казаться, будто я читаю собственный дневник. Хорошо, что как раз в тот момент попало нечто в другом роде:

«Молода, интеллигентна, образованна, знаю четыре языка, доброго, мягкого нрава». Подумал: о, не Винсента ли?

Все взгляды обратились на розовую от холода и смущения Винсенту, которую Луиз как раз поддерживала под руку, помогая надеть домашние туфли. Она засмеялась:

— Ну вы что? Зачем бы я стала туда писать?

— Мое сердце разбито! — Найджел картинно закрыл глаза ладонями.

— Найджел, я бы никогда...

— Это шутка, милая, — улыбнулся он и под наш дружный смех подошел к Винсенте и приложил ее руку к своим губам. — Покажи-ка всем платье.

Винни покружилась в своем струящемся алом платье, а потом потянула за две атласные ленты на боках, и в ту же секунду развернулись два алых полотна. Пораженные сходством с силуэтом богини Ники, мы замерли. Как только Винсента отпустила ленты и крылья вновь слились с платьем, Найджел оглушительно захлопал, и мы тут же поддержали его.

По черно-белым мраморным плиткам мы прошли из прихожей в большую гостиную перед парадной столовой, где расположились на молочного цвета диванах, ожидая приглашения к столу. На правах именинника я стал оценивать, насколько точно мои дорогие друзья соблюли предложенный дресс-код. Я назвал его «Ирис» — в переводе с древнегреческого «радуга». Алое платье Винсенты открывало спектр. Яркие апельсиновые гольфы, мелькавшие между черными брюками и лаковыми туфлями Элиота, продолжали его.

— Где же желтый? — спросил я.

— Любой каприз именинника, — ответил Ленни и расстегнул две верхние пуговики жилета под пиджаком.

— А я говорил, что цвет должен быть на виду, — заметил я.

— Письменно это не было закреплено, а потому поддается вольной интерпретации.

— В банковских делах Ричмонды тем же руководствуются? — с усмешкой поинтересовался Валентин.

— Разумеется. — Элиот уселся напротив и закинул ногу на ногу. — Для Ричмондов правила не писаны.

— Ах, вот как, — оскалился Вал. — Так и начинается свободное экономическое падение.

Найджел прервал их пикировку: поднявшись с дивана, он изящно продефилировал по залу, демонстрируя просторную изумрудную рубашку с широко раскрытым воротом. Чтоб подчеркнуть свойственную ему небрежную грацию, он заправил ее в узкие брюки и растрепал волосы, как задиристый воробей.

— У меня все на виду. Одобряете, мсье Лаферсон? — Насмешливые искорки заплескались в его радостных глазах.

Ничего, кроме «Одобряю, Найджел, одобряю», язык не поворачивался сказать. Под наш смех Найджел отвесил глубокий поклон, снял воображаемую шляпу и плюхнулся на диван к Винни и Осу.

За ним должна была бы следовать Софи, чей гардероб полностью состоял из оттенков синего. Пары встреч мне хватило, чтобы понять: эта девушка носит яркие брючные костюмы не ради эпатажа. Это ее революция. Она подставляет себя под резкие замечания

и голодные взгляды, но, пожалуй, своим поведением меняет многое для женщин — тихо, без револьверов и алебард. Маленькая, но упрямая и сильная, Софи казалась мне близкой по духу. Было в ней какое-то незримое пламя.

— Конечно, прекрасную Софи мне не заменить, но все же в моем наряде есть и индиго, и фиолетовый, — скромно пожал плечами Освальд.

Фиолетовый костюм и темно-синий галстук сочтались с его темными волосами и щетиной, а от разбросанного акцентами золота — оправа очков, часы, цепочка для галстука — веяло античностью, что придавало образу породы. В петлице сидел голубой цветок — как дань Новалису, его любимому писателю и духовному предку.

Я кивнул Осу, и мы с Валентином одновременно потянулись к инкрустированному перламутром столику между диванами, на который Луиз только что поставила поднос с осьминожьими карпаччо, томатной сальсой и каперсами. Леа разносила бокалы с вином. Вал подхватил фужер с игристым, встал, молча отсалютовал мне и выпил. Его белоснежный наряд — струящиеся брюки-палаццо и вязаный джемпер с треугольным вырезом, надетый поверх рубашки, — зрительно удлинял высокую фигуру, делая его еще стройнее, и удачно контрастировал с моим бордовым костюмом-тройкой. Вместе мы смотрелись как высокие бокалы красного и белого между шипящих фужеров просекко.

— Я смотрю, что не позволено быку — позволено Юпитеру, — ехидно заметил Найджел с дивана. — Насы нарядил как попугаев, а Валентин щеголяет в белом?

Валентин обернулся:

— У меня есть оправдание...

— Да, это крайне любопытно, — вставил Элиот, — я, Ричмонд, сижу тут в оранжевых чулках, как клоун, тогда как...

— Элиот, между прочим, я купил эту зеленую рубашку на последние деньги!

— Найджел, — перебил я. — Валентину просто можно все.

Вал покосился на меня и прошипел:

— Келси, меня сейчас четвертуют.

Я понизил голос:

— Я этого не допущу.

Он молча убрал волосы за уши. Я остро чувствовал его смущение, поэтому сделал шаг назад и опустился на диван.

— Так вот, я объясню, — проговорил Вал секунду спустя. — Вы знаете, что мой гардероб красочностью никогда не отличался. Не то что у некоторых. — Он взглянул на меня. — Да, Элиот, представь себе, мне тоже предлагали, как ты выразился, клоунскую палитру.

— И что же?

— И я решил подойти к задаче неординарно. Вспомните физику, господа: радуга есть преломленный белый свет! Так что технически я тоже одет в один из цветов радуги. А поскольку Келси одобрил мою идею, я тем более не считаю свою интерпретацию ошибочной.

— Всегда поражаюсь, какой ты умный, Валентин, — зааплодировала Винсента, и Найджел поддержал ее.

Вал опустился рядом со мной, и мы пожали друг другу руки с видом заговорщиков, провернувших изящную шалость. В арке столовой тем временем показался камердинер Жак.

— Дамы и господа, прошу вас к праздничному столу! Вы именинник, мсье Лаферсон, — вам идти первым.

Когда мы вошли в столовую, старинные напольные часы с арочным фронтоном и блестящими витринами пропели Вестминстерский перезвон и пробили восемь. Меня ожидало место во главе стола, уже сервированное посудой, приборами и сложенной салфеткой с розовой вышивкой. Все расселись, и мы воздали должное таланту поваров Элиота.

После застолья вся компания поднялась в верхнюю гостиную, где мы принялись попарно играть в морской бой. Освальд с Найджелом не уступали друг другу, азартно вскрикивая каждый раз, когда чей-то корабль шел ко дну. Валентин беспощадно крушил мои корабли, которые я нарочно расставил примитивно, надеясь, что он не заметит. После очередного легкомысленного «попал» Вал взглянул на меня исподлобья:

— Ты даже не стараешься. Еще один ход — и ты проиграешь.

— А может, я и хочу проиграть?

Вал опустил глаза на свой лист и задумчиво поцокнул языком.

— Ка-один.

Я вписал рядом с тремя крестиками четвертый и подарил ему торжественную улыбку:

— Убил.

Спустя минуту раздался победный вопль Найджела. Теперь только Элиот и Винсента сверлили друг друга взглядами, сидя в креслах у рояля. Вернее, Элиот был спокоен, а вот Винсента хмурилась и жевала атласную ленту своего платья. Ее беспокойство оказалось не напрасным: Элиот поддавался.

— Мне было как-то неудобно обыгрывать даму, — невозмутимо произнес он, когда мы все обступили его кресло.

— Элиот, ты думаешь, я настолько...

— Ни в коем случае.

— Тогда в чем проблема?

— Проблема в том, дорогая, — обратился Найджел к Винни, — что тебя, кажется, обыграли еще несколько ходов назад, а ты попала только... в два линкора. Молодец.

— Да, ты просто умница! — подхватил я, легонько толкая локтем Валентина.

Он отстраненно закивал, но с моей подачи Винсенту поддержали аплодисментами и Ос, и Элиот, и — громче всех — Найджел. Слегка раздосадованная, Винни лишь закатила глаза и смяла свой листок.

Покончив с морским боем, мы перешли к другим играм и к напиткам покрепче. Освальд, устроившись у камина, меланхолично рассуждал, что Элиоту в таких огромных апартаментах определенно нужна компания — например, кот, собака или сам Ос. Найджел играл на рояле «Волшебную флейту», иногда прерываясь на пламенные поцелуи с Винсентой. Ленни с Валом лениво передвигали шахматы, а я сидел рядом. Вместе

мы наблюдали за нашим молодым трио и вспоминали время, когда и нам было по двадцать два — двадцать четыре. Каким все казалось волнующим, неизведанным и оттого романтичным!

Валентин, казалось, не пьянел вовсе, но в какой-то момент я начал замечать, что его взгляд то и дело надолго примерзает к окну за рождественской елью. В темном стекле отражались огоньки гирлянд и покачивался уличный фонарь, но Вал не любовался ими. Его глаза что-то напряженно выискивали в темном окне напротив.

— Вон там силуэт, он пошевелился, — пробормотал он будто сам себе. — Это *они*, я уверен...

— Брось, тебе чудится. Там давно никто не живет. — Ленни с аристократической бесстрастностью осушил бокал. — Кстати, шах.

В последние три месяца Вал не раз заговаривал о слежке. То и дело он замечал краем глаза странных незнакомцев, ощущал чье-то присутствие за спиной. На службе, у дома, в гостях. По вечерам ему мерещились за окнами темные силуэты, и уже с полгода он не появлялся один в общественных местах. Из редакции газеты его забирал кучер Ричмондов, или я сам заезжал за ним, и мы шли ужинать в Ledoyen. Не далее как сегодня утром, когда мы направлялись по делам в Восьмой штаб жандармов по одному из переполненных бульваров, из окна экипажа он указал на человека в толпе и прошептал: «Это *они*». Но в качестве своих преследователей Вал всегда называл мужчин в черном, а в этот раз толпа состояла из женщин, скандирующих «За сестер Мартен!» — это была

демонстрация по поводу нашумевшего дела трех девушек, убивших собственного отца.

Ведущие издания Парижа нарекли их помешанными психопатками, призывая на их головы все кары небесные; однако вскоре из либеральных изданий стало известно, что отец избивал каждую из них, и их преступление было актом отчаянной самозащиты. Дело вызвало широкий резонанс. Опасаясь беспорядков, власти запретили марш в поддержку сестер, но люди вышли без разрешения. Главным образом, как я и сказал, это были женщины — яростные, раскрасневшиеся от крика, с транспарантами и алыми лентами. Они заполнили улицу, как заполняет сухое русло раздувшийся по весне поток, и нехотя разошлись, когда толпу прорезал строй конных жандармов. Мы с Элиотом так и не заметили никого подозрительного и подумали, что Вал встревожился просто от вида обозленной толпы — что было вообще-то ему несвойственно, ведь по долгу службы он нередко бывал свидетелем различных стачек.

— Беру коня, — лениво произнес Элиот, и я вынырнул из воспоминаний.

Вал смахнул фигуры с доски:

— Я сдаюсь.

Была моя очередь играть с Валентином, но я видел, что он уже не в духе: об этом ясно говорили его блестящие глаза и розовые пятна на впалых щеках. Еще немного, и его сознание вплывет в тревожные воды. Так бывало всегда, стоило ему выпить лишнего. Я коснулся его плеча и одними губами выговорил:

— Достаточно, Вал.

Вал задумчиво потер щеку тыльной стороной ладони.

— Как скажет именинник. — Он одарил меня широкой улыбкой.

— Не подумай, что я ограничиваю тебя. Просто беспокоюсь.

— Конечно-конечно, господин Вишневый Сок.

Я оскорбленно приложил руку к груди:

— Вообще-то, сок малиновый!

Мы оба засмеялись.

Вал вытянул ноги под столом, откинулся на спинку дивана, скрестил руки на груди и прикрыл глаза. Свет рассеянно очерчивал его лоб, играл и переливался в спадающей волнистой пряди, взмывал по прямой переносице, соскальзывал к плотно сжатым губам, задерживался на упрямом подбородке, поглаживал острый журавлиный кадык. Грудь еле заметно вздымалась, точно во сне, но я знал: Вал не спит, он погружен в себя. Закрыв глаза здесь, *там* он видел все в тысячу раз ярче, в доме его души, где мысли выглядели как каюты большого белого парусного корабля, каковым Вал и являлся на самом деле. Не пасмурным мужчиной, на чью долю выпало слишком много несправедливых лишений, а судном, трехмачтовым линейным кораблем с надутыми белыми парусами в мятежной ночи, непроглядной, но от этого только более родной. Это перемещение как бы отделяло его от тела, от бранных забот; прохладный полночный воздух освежал, убаюкивала целебная морская колыбель. Там, под яркой звездой, родилась почти тридцать лет назад его чистая бессмертная душа. Я знал это так безошибочно, потому что и сам

был создан из этого сакрального мрачного космоса. Я тоже был кораблем — большим, свободным, на пышных парусах и сверхмощных двигателях, несущих меня — куда бы ни показывала стрелка компаса — только к моей мечте...

Валентин, похоже, действительно задремал, и ему приснился кошмар. Веки дернулись, брови сошлись... Он резко вскочил и вылетел из гостиной. Я бросился за ним, и в соседней камерной зале услышал через дверь характерные звуки из уборной. Спустя пару минут оттуда вышел Вал — бледный, с красными глазами и с платком у губ. Тусклый свет от круглых плафонов по обе стороны двери проложил темные тени у него под глазами. Вал ссутулился, прислонил голову к двери, украшенной вензелями. Плечи его вздрагивали, точно он хотел заплакать. Но тут к нам присоединился обеспокоенный Элиот, и это вывело Вала из оцепенения. Опомнившись, он глянул на наручные часы и сказал мне:

— Идем.

И я не споря пошел за ним.

В гостиной тем временем погасили люстры. В углах сгустилась бархатная тьма, но в центре залы, на большом розовом торте, мягко сияли свечи, сладко пахло малиной, и радостные родные лица улыбались мне.

— С днем рождения тебя! С днем рождения тебя!

— С днем рождения, дорогой Келси! — взлетел глубокий, поставленный голос Элиота.

— С днем рождения тебя... — негромко закончил Валентин. В дрожащем пламени свечей я увидел, как на его скуле блеснула слеза.

Песня смолкла. Винни, Ос и Найджел изумленно уставились на Валентина, который, утирая со щек слезы, улыбался:

— Простите, пожалуйста, что-то я растрогался.

Элиот с досадой выругался и предложил мне загадать желание и задуть наконец свечи. Я пожелал покоя — не для себя, но для всех мятущихся душ, чье странствие в море жизни больше напоминает слепое блуждание во тьме, нежели уверенное следование за путеводной звездой. Затем задул свечи — все тридцать разом, — и мир для меня снова ожил.

Визг, свист, аплодисменты. Включили свет, стали резать торт, звенеть бокалами.

— Найджел, — всплеснула руками Винсента, — первый кусок имениннику!

— А, ой! Прости, я забыл. На, положи для Келси.

— Да ты же ложкой уже испортил...

Мы расселись на диванах. Освальд уплетал торт за обе щеки, Винсента и Найджел кормили друг друга с ложечки. Элиот хмуро косился на них, усмехаясь с еле заметной горечью.

— «Душа моя».

— Что?

Я посмотрел на Вала. Он протянул мне лист с партией морского боя. Прямо под полем с кораблями значилось четким, каллиграфическим почерком Элиота: «Душа моя», а рядом был быстрый узнаваемый портрет: заштрихованное черной ручкой стильное каре обрамляло миловидное лицо — большие глаза, нежная улыбка. Сходство было невероятное.

— Только не говори, что это та злая суфражистка.

— Вал, не говори так о Софи.
— А что? Злая? Злая. Суфражистка? Суфражистка.
— Она не злая. Она просто... девушка, которая устала.
— А я мужчина, который устал. Можно мне тоже по-
больше прав?

— Вал.

Он уставился на меня, иронично-сердитый, с ложкой во рту.

— Ладно, мне и социал-либерализма хватает. — Отделил большой кусок торта и запил чаем.

— Что ж, наш закон гласит...

— Свобода нужна, чтобы освобождать других, знаю, — договорил Вал за меня.

И мы переглянулись, как переглядываются люди, думающие об одном и том же.

Софи Мельес

Я все это ненавидела. Распознавать настроение мамы по ее шагам и папы — по его вздохам. То, как замирало сердце от раздраженных или нервных ноток в их голосах. Как сжималось горло, когда голоса переходили в крик, когда хлопали двери и билась посуда. Тело немело. Дыхание перехватывало.

Крики долетали до кухни. Я опускала в таз тарелку, вытирала руки и шла наверх, и с каждой новой ступенькой злые слова слышались все отчетливее. Из детской выглядывало грустное лицо Жака, младшего брата.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

